

СТАНОВЯЩАЯСЯ СЛОЖНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМА НОВЫХ УЯЗВИМОСТЕЙ

Автор: С. А. КРАВЧЕНКО

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович - доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии МГИМО (У) МИД России

Аннотация: Рассмотрены проблемы вступления человечества в сложный социум. Его сущностными чертами являются становление, происходящее нелинейно, сопутствующие риски, травмы, разрывы, парадоксы. Автор утверждает, что данный процесс ведет к появлению принципиально новых уязвимостей, для осмысления вызовов которых необходим новый теоретико-методологический инструментарий.

Ключевые слова: сложное общество * становление * рефлексивность * уязвимости * "нормальные аварии" * побочный ущерб * человеческий капитал

Саморазвитие социальной материи, ее ускоряющаяся, а главное - усложняющаяся динамика [Пригожий, Стенгерс 2001] - привели к тому, что мир и Россия, перейдя определенный порог динамической сложности, вступили в состояние развития социума, обладающего качественно новыми параметрами. Как считает академик М. К. Горшков, за последние двадцать лет российское общество превратилось в *"новую социальную реальность"* [Горшков 2007]. По оценке Президента (2002 - 2006) Всемирной социологической ассоциации П. Штомпки, которым была предложена *теория социального становления*, нацеленная на анализ *"общества в действии"* [Sztompka 1991], ныне нормой общественного развития является сложный процесс *становления* социума, происходящий в контексте сопутствующих социальных и культурных травм, ненамеренных последствий человеческой деятельности. За этим стоит наступивший *"конец определенности"*. В нашу жизнь пришли тенденции *самоорганизации, нелинейности и альтернативности развития*, что ведет к резкому росту числа *парадоксальных и культурно гибридных компонентов* [Тощенко 2008; Он же 2011], возникновению *необратимых процессов*, связанных с воздействием человека на природу. В становящейся реальности увеличивается доля *короткоживущего* социума и уменьшается доля *долгоживущего* - это затрагивает функционирование *жизненных референтов*, включая ценности, авторитеты, представление о добре и зле. В этом контексте, по мнению У. Бека, *"социальная уязвимость"* не может быть четко ограничена ни в пространстве, ни во времени" [Beck 2010: 115, 116, 179] со всеми вытекающими последствиями. Нужно принципиально *новое теоретизирование*, нацеленное на учет и анализ возникших реалий уязвимости, которые, в свою очередь, обретают характер *становления*, потеснив значимость традиционных, относительно константных противоречий и опасностей. Британский социолог Дж. Урри также заявляет, что проблемы

"уязвимости и бедствий будут актуальным предметом обсуждения социальной науки XXI века" [Urry 2012: 166].

Становящаяся сложная реальность: производство "нормальных аварий".

По Э. Гидденсу, "радикальный модерн" в принципе отличается от модерна индустриального, прежде всего, своим "крайним динамизмом", неимоверно возросшей скоростью изменения всех процессов в обществе, "глобальностью пространства", "рефлексивной природой" современных акторов [Гидденс 2003; 2004]. Соответственно, становящаяся сложная реальность, будучи его концентрированным выражением, качественно отличается от простого социума. Относительно простой является та социальная система, которую, говоря словами Э. Дюркгейма, можно "рассматривать как вещь" [Дюркгейм 1995]: она функционирует под влиянием внешнего принудительного воздействия; суть ее структуры, по существу, сводится к составляющим частям; социально-экономические и политические противоречия относительно долго вызревают, обретая рельефно выраженные очертания; доминирует причинность линейного толка; в силу устойчивой "жесткой" корреляции между социальными фактами обосновываются "объективные законы" общественного развития; есть понимание того, что чем масштабнее проблема, тем более для ее преодоления нужна гигантская энергия народных масс, востребованы героические усилия и жертвенность.

На определенном историческом этапе развития человеческой цивилизации начинает выкристаллизовываться конфликт во взаимоотношениях природы, общества, человека. "На каждом шагу, - замечал Ф. Энгельс в работе *"Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека"*, - факты напоминают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо находящийся вне природы, что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри её" [Энгельс: 496]. Если же производство в своей основе носит варварский характер по отношению к природе, то это может привести к серьезным деформациям социума: "Людям, которые в Месопотамии, Греции, Малой Азии и в других местах выкорчевывали леса, чтобы получить таким путем пахотную землю, и не снилось, что они этим положили начало нынешнему запустению этих стран, лишив их, вместе с лесами, центров скопления и сохранения влаги" [Энгельс: 496]. Но, подчеркнем, в условиях простого социума речь шла о разрушении *конкретной* социальной общности или даже *отдельно взятого* общества, но никак не о социальной уязвимости *всего* человечества. Разумеется, как нет жесткой грани между живой и неживой материей, так нет таковой между простой и сложной системами, ибо сложность не есть некий абсолют, а скорее, качественный результат самого *процесса становления*.

Сегодня простые, линейные корреляции можно проследить лишь в относительно *локальном* социуме. Видение общественного развития человечества через призму "всеобщих объективных законов", детерминизма "универсальных" идеалов и ценностей уходит в прошлое. Девиз XVII Всемирного конгресса социологии -

"Социология в движении" определяет современное состояние науки как *весьма динамичное теоретизирование*, обусловленное не амбициями создания "лучшего знания" относительно прежнего теоретико-методологического инструментария, а объективностью принципиально новых вызовов *становящегося сложного социума*, требующего, соответственно, и нового мышления, и иного знания. А организаторы 10-й Европейской социологической конференции выдвинули в центр научных дискуссий проблематику *социальной турбулентности*, которая по своей сути предполагает весьма динамичное и хаотичное становление социума, длящееся, однако, непродолжительное время. По меткому определению З. Баумана, такой становящийся социум может быть только "текучим" [Бауман 2008]. Его конкретные социальные сферы обладают тем же атрибутивным качеством: "текущие времена", "текущая любовь", "текущий страх" и соответствующая "культура в текущем современном мире" [Bauman 2009; 2003; 2006; 2011].

Российские ученые уже внесли определенный вклад в решение проблем становящегося сложного социума. Академик Н. Н. Моисеев в символически названной работе

стр. 4

"Расставание с простотой" прямо призвал по-новому теоретизировать взаимоотношения социума и природы [Моисеев 1998]. При этом им вообще был поставлен вопрос "быть или не быть... человечеству?" [Моисеев 1999]. И чтобы человечеству быть, необходимы и новое мышление, и новое теоретизирование относительно возникших реалий сложности.

Академик В. С. Степин обосновал, что ныне утверждаются *саморегулирующиеся системы*, качества которых не сводятся к свойствам их частей [Степин 2008]. В таких системах простая причинность, основанная на традиционно понимаемом детерминизме, просто не работает. Здесь действует *сложная причинность*, в частности, проявляющаяся в том, что части систем могут *выходить из-под структурных ограничений*, они обретают принципиально новое функциональное свойство - способность к *самодерминации и саморефлексивности*.

Полагаю, это принципиально важный вывод относительно *принципов* функционирования становящегося сложного социума, а также *природы* новых социальных уязвимостей. Его квинтэссенция в том, что сложные системы за счет саморегуляции и сложной причинности производят ненамеренные, побочные эффекты, зачастую в виде тех или иных незапланированных дисфункциональностей. Если раньше природа тех или иных противоречий усматривалась в непосредственной деятельности человека, которая в случае ее прекращения или изменения вела в принципе к "разрешению" (К. Маркс) или "урегулированию" (Р. Дарендорф) социальных противоречий, то теперь природа новых уязвимостей видится в том, что сложные системы за счет своего становления, саморефлексии в определенной степени выходят из под контроля своего создателя. Если прежде уязвимость соотносилась с функциональной недостаточностью локального социума и была ограничена временными рамками, то новые социальные уязвимости являются уязвимостями как бы второго порядка: они *опосредованы, зачастую отдалены во времени и пространстве результатом*

деятельности поколений людей, живущих/живших в разных странах и континентах. В контексте "стрелы времени" (И. Пригожий) данные уязвимости пришли в нашу жизнь быстро, неожиданно и неспрогнозированно. Их сложно наблюдать и интерпретировать, ибо для этого требуется иной - неопределенностный - инструментарий. Простые, прагматические подходы, основанные на позитивистском мышлении, для нейтрализации их вызовов просто не работают. Некоторые политики пытаются их не замечать, перекладывая бремя решения проблем на плечи грядущих поколений. Но это не обычные, а *сложные, становящиеся* проблемы - их игнорирование сегодня ведет к необратимым изменениям экзистенциальных условий бытия человека, среды его жизни. Вместе с тем, отрадно то, что проблемы новых социальных уязвимостей все более перемещаются в центр внимания ведущих ученых всего мира.

Американский социолог Ч. Перроу метафорически назвал новые социальные уязвимости "нормальными авариями", под которыми им понимаются несчастные случаи и катастрофы, вызванные не грубыми просчетами человека. Они обусловлены его естественным взаимодействием со *сложными* техническими и технологическими системами, периодически дающими "нормальные" сбои: "серьезные инциденты неизбежны даже при наилучшем менеджменте и полном внимании к безопасности" [Perrow 1999]. Суть их сложности еще и в том, что они могут произойти в виде "вдруг-событий" (Ж. Деррида), а могут и вовсе не произойти. Можно "зря" потратить огромные людские и материальные ресурсы на предотвращение или хотя бы минимизацию новых уязвимостей, в то время как отнюдь не решены традиционные - локальные - уязвимости в виде весьма актуальных проблем увеличивающегося социального неравенства, бедности, обороноспособности, девиации и преступности и т.д.

В новой книге "Следующая катастрофа: наши уязвимости в контексте природных, промышленных и террористических бедствий" Ч. Перроу показывает, что социальная уязвимость продолжает становиться и усложняться. В частности, он утверждает, что "концентрации опасных материалов, населения и экономической мощи в нашей критической инфраструктуре делает нас более уязвимыми для природных, промышленных/

технологических бедствий и террористических атак" [Perrow 2011: vii]. При этом им выделяются три основных источника уязвимостей: концентрации энергии (взрывных и токсичных веществ), концентрации населения в зонах риска и концентрации экономической и политической власти [Perrow 2011: 6 - 7]. Особое беспокойство ученого вызывает рост населения в экологически и технологически опасных зонах, число которых увеличивается. В них одновременно осуществляется промышленная добыча природных ископаемых и интенсифицируется развитие земледелия, рыбных хозяйств, создаются культурные объекты. При этом значительная часть населения живёт в домах, не соответствующих необходимым стандартам для опасных территорий, не имеет возможности самостоятельно эвакуироваться в случае бедствия и часто не обладает информацией о потенциальных рисках. Подчеркнем, социолог ведет речь о потенциально возможной "системной катастрофе", а не об авариях, вызванных индивидуальной человеческой ошибкой: "Теория нормальной аварии исходит из

того, - утверждает Перроу, - что, если бы мы имели системы с катастрофическим потенциалом, которые могли бы дать сбой в силу их сложности и плотной связности друг с другом, при том, что каждый индивид выполнял свои роли настолько безопасно, насколько это вообще доступно человеку, то от таких систем следовало бы отказаться. Катастрофы стали бы реже, если не неизбежны; нам не следует рисковать" [Perrow 2011: 31].

С одной стороны, нормальные аварии потенциально представляют собой побочную дисфункциональность сложных систем. Но с другой - они являются продуктом опосредованной, рискогенной деятельности людей, которой в принципе можно было бы избежать, а также результатом доминирования стереотипов и традиционных взглядов *на новые проблемы социально-экономического становления*. Так, ошибочно считается, что концентрации "реалий, делающих нас наиболее уязвимыми", являются "неизбежными или их вовсе не замечают, сосредоточивая внимание на самих бедствиях, минимизации ущерба или предотвращении катастроф... Более того, мы имеем "паническую" модель поведения, которая ошибочно лимитирует информацию, что в свою очередь порождает скептицизм со стороны общественности" [Perrow 2011: 4 - 5]. Нельзя сказать, что "старые" и новые уязвимости не связаны друг с другом. Напротив, некоторые новые уязвимости, считает Перроу, корнями уходят в традиционное социальное неравенство, усиливающееся "в силу изменений в распределении доходов" [Perrow 2011:31].

По нашему мнению, эффект "нормальных аварий" следует распространить не только на научно-технологическую, но и на экономическую и политическую сферы, а также на *инновационные* процессы медиализации, градостроительства, на новые информационные технологии, туризм, моду, диеты, имея в виду возможные отложенные опасности для человека. При этом к "нормальным авариям" необходимо относиться не как к *неизбежной данности* опасностей, а осуществлять *планомерный мониторинг* усложняющихся институциональных систем на предмет выявления прежде всего их дегуманизирующего влияния на человека с целью *нейтрализации* или, по крайней мере, *минимизации* негативных последствий для человеческого капитала.

Минимизацию проблем уязвимостей ученый видит в разработке новых подходов к управлению сложными становящимися системами. Среди мер - рассредоточение концентраций энергии, населения в зонах риска, а также экономической и политической власти; координация и кооперация служб, занимающихся проблемами безопасности. Воплощение в жизнь идей *управляемой открытости* с целью предотвращения террористических угроз, имея в виду "закрытие всех дыр в нашем открытом обществе" [Perrow 2011: 127]. Весьма важным Перроу считает меры по предотвращению банальных "исполнительских аварий", причина которых видится в том, что "люди не всегда делают то, что они, предполагается, должны делать..., в сознании высших исполнителей присутствуют другие интересы, и их интересам могла бы угрожать эффективная культура безопасности" [Perrow 2011: 291, 292]. Однако в принципе устранить нормальные аварии и уязвимости, являющиеся атрибутами сложного социума, невозможно, но их можно и нужно минимизировать: "Мы не в безопасности. И никогда мы не

можем быть полностью в безопасности, ибо природа, организации и террористы предвещают, что у нас будут бедствия. Давайте минимизируем их последствия посредством минимизации размера наших уязвимых целей" [Perrow 2011: 325]. Прямо скажем, не очень "радужное" еще одно обоснование "конца определенности" [Prigogine 1997]. Но, очевидно, нет простых решений сложных проблем, как в принципе нет "законов", гарантирующих всеобщее процветание человечества.

Уязвимости в виде "побочного ущерба". 3. Бауман в новой книге, озаглавленной "Побочный ущерб", утверждает, что если не так давно "побочные потери" относились лишь к военной сфере, то ныне в условиях "текущей современности" из-за ее структурно-функциональной сложности они пришли в повседневную социальную жизнь. Социолог такой "побочный ущерб", в частности, усматривает в "*экзистенциальной небезопасности, сопутствующей жизни в мире "текущего модерна"*" [Bauman 2011: 62]. Данный тип небезопасности возникает и особенно ощущается в современном большом городе, предполагающем амбивалентный симбиоз *миксофилии* (стремление к увеличивающемуся многообразию жизнедеятельности) и *миксофобии* (страх перед увеличивающимся многообразием стилей жизни и опасностей). В свою очередь, миксо-фобия породила "заборные сообщества" (gated communities) - "компактные частные коконы", "строго селективный вход" в которые обеспечивает вооруженная охрана и скрытые средства теленаблюдения: "люди тратят все свои деньги, чтобы *освободить* себя от нежелательной компании, чтобы быть *одинокими*. За стенами и воротами живут нелюдими: люди, только переносящие "сообщество", которое они предпочитают в данный момент... Больше всего на свете они боятся *страха* небезопасности. Они надеются, что стены защитят их от этого страха" [Bauman 2011: 65, 66]. Со временем потребность в безопасности превращается в "патологическую зависимость": "начав однажды возводить и укреплять границы, невозможно остановиться" [Bauman 2011: 68]. С другой стороны, "побочный ущерб" развития секретности, выражающейся в инновационных, постоянно обновляемых технических средствах сокрытия/раскрытия секретов, проявляется в разрушении приватности и интимности. "*Современный кризис приватности, - заявляет 3. Бауман, - сложно связан с ослаблением и закатом буквально всех межчеловеческих уз*" [Bauman 2011: 90].

Возникает "побочный ущерб" и во вновь образуемых сетевых сообществах. Как это ни парадоксально, резкое увеличение коммуникаций людей за счет разного рода сложных сетевых взаимодействий реально ведет к дисфункциональности собственно *человеческих взаимодействий*, которые прежде отличались стабильностью и жесткостью связей в виде крепкой дружбы и "любви до конца дней". По этому поводу Бауман замечает: "Интернет-"сообщества" не предназначены для долгоживучести... К ним легко присоединиться, но, аналогично, их легко покинуть и бросить в любой момент, когда внимание, симпатии или антипатии, настроение или мода повернулись в другое направление" [Bauman 2011: 92].

В итоге социолог приходит к следующим выводам. "Побочный ущерб" далеко небезобиден. Он затрагивает базовые социально-политические условия жизни современного человека: в "текущем модерне" возникает новая социальная уязвимость в виде бегства человека от своей экзистенциальной - собственно социальной - природы; "человеческая неопределенность и уязвимость являются

основами всей политической власти" [Bauman 2011: 52] (они становятся "универсальной стратегией" любой и каждой политической борьбы за власть; "уязвимость и неопределенность являются также двумя качествами человеческих условий, из которых возникает "официальный страх" - страх *человеческой* власти, власти, *созданной* человеком и *удерживаемой* человеком" [Bauman 2011: 108] (в отличие от "космического страха", который, как считает М. Бахтин, используется во всех религиозных системах). К этому добавляется появление "тотальной социальной эксклюзии": "андеркласс представляет не отсутствие сообщества - он есть просто *невозможность сообщества*. В конечном счете, это также означает невозможность человечности" [Bauman 2011: 152].

стр. 7

Данные вызовы уязвимости заставили З. Баумана поставить вопрос: "Социология: откуда и куда держишь путь?". С момента своего рождения, считает ученый, социология фокусировалась на романтизме "сделать общество лучше". Однако развитие общества пошло по более сложным путям. За последние пятьдесят лет, стремясь обслуживать прагматические цели менеджеров, социология "утвердила себя как *наука/технология несвободы*". Но в таком качестве она "оказалась без работы". Ныне перед ней открывается "шанс превращения в науку/технологию свободы: науку путей и средств, с помощью которых индивидуалы-по-декрету и де-юре времен текущего модерна смогли бы подняться до уровня идивидуалов-по-выбору и *де-факто*... будущее социологии, по крайней мере, ближайшее будущее, лежит в усилении по перевоплощению и переформированию себя в качестве *культурной политики, стоящей на службе человеческой свободы*" [Bauman 2011: 169 - 170]. В возрождении диалога с обществом социологи, считает ученый, должны взять на себя исполнение двух органично связанных ролей: "*дефамилизировать известное и сделать известным неизвестное*" [Bauman 2011: 171]. З. Бауман весьма реалистичен относительно рецептов "лечения" уязвимостей, отмечая, что читатели в его труде "наверняка, нашли гораздо больше вопросов, чем ответов". Полагаю, в этих словах не дань скромности, а суть новаторского подхода к уязвимостям сложного становящегося социума: время простых, линейных решений сложных проблем кануло в лету навсегда.

Уязвимости человеческого капитала. На наш взгляд, все вышеназванные (равно как и многие неназванные уязвимости, например, считает У. Бек, принципиально новые уязвимости "мирового общества риска" в сравнении с "обществом риска") [Beck 2010] - так или иначе выходят на проблему будущего человеческого капитала как России, так и мирового сообщества. По нашему убеждению, необходимо переоткрытие человеческого капитала, ибо, основываясь только на существующих мировоззренческих и теоретических подходах, его вряд ли удастся сохранить, тем более преумножить. Термин "*человеческий капитал*" введен Т. Шульцем и Дж. Беккером для оценки воплощенной в индивидууме потенциальной способности приносить доход, включающей врожденные способности и таланты, образование, приобретенную квалификацию, состояние здоровья и т.д., что обеспечивает индивидам повышенный спрос на рынке труда [Becker 1964; Shultz 1968]. До сих пор циркулируют методики, предлагающие его измерение по годовому приросту объема производства или просто по уровню душевого ВВП. Аналогичные односторонние подходы существуют и в политической сфере. П. Бурдьё подверг критике оценивание людей, прежде всего, по "политическому

весу", видам политического капитала, оставляя в стороне другие факторы "активного участия в политике, а именно *свободного времени и культурного капитала*" [Бурдьё 1993: 183]. Зачастую подобные весьма ограниченные критерии выдаются за "универсальные".

С нашей точки зрения, содержание и характер человеческого капитала *не имеют универсального* характера: они изменяются во времени и пространстве, варьируются от страны к стране, специфичны в конкретных культурах, зависят от *ментальности народа*, его национального характера. В силу особенностей ментальности российские граждане воспринимают современные усложняющиеся реалии иначе, чем жители западных стран, что, в частности, можно видеть на примере отношения к демократии. Вот лишь некоторые данные социологического исследования, проведенного под руководством М. К. Горшкова. У 59,1% россиян демократия ассоциируется с *равенством всех граждан перед законом*. А свободное членство в какой-то политической партии поддерживают только 4,4%. Непопулярными остаются такие лозунги, как построение "открытого общества", превращение России в "обычную цивилизованную страну", ее интеграция в Европейское сообщество [Граждане... 2005: 79, 117].

Сказанное, однако, не следует абсолютизировать: при всех различиях в ментальности россиян и европейцев, американцев, китайцев, конечно, необходимы методики для сравнения человеческого капитала в разных странах. Они создаются и практически реализуются. Так, в рамках двухстороннего сотрудничества Института социо-

стр. 8

логии РАН и Института социологии Китайской академии общественных наук было проведено исследование по проблеме: "Изменения в социальной структуре обществ в условиях трансформации" [Россия... 2012].

Формированием человеческим капиталом, его защитой от возникших уязвимостей *можно и нужно управлять*, исходя из следующих основополагающих требований. Это управление должно выступать как *цивилизованный, рациональный и гуманистический способ взаимодействия людей с их участием*. "Управление, - отмечает известный специалист в этой сфере А. В. Тихонов, - которое не выполняет в обществе гуманистическую функцию, превращается в манипулирование людьми, в технологию достижения любой, в том числе аморальной и асоциальной цели (терроризм, например). Такое "управление" становится опасным источником социальных деформаций" [Тихонов 2007: 128]. Управление должно учитывать *нелинейность* формирования человеческого капитала и *динамично сложные* причинно-следственные связи. Необходимо, в частности, отказаться от презумпции явных внешних причин как единственного источника, определяющего содержание человеческого капитала. Отсюда востребован *учет латентности* при его формировании, изучение человеческой деятельности в контексте возникновения *непредвиденных и ненамеренных последствий*, сопровождающих *рациональную* активность людей, которая при отсутствии гуманистического целеполагания зачастую производит новые социальные уязвимости. Как известно, данный подход был всесторонне обоснован

в работах выдающихся социологов Р. Мертона [Merton 1936] и Р. Будона [Boudon 1982].

Особенно важно учесть *латентные и отложенные опасности* для человеческого капитала как производные от научной и инновационной деятельности людей. При этом необходимо осуществлять *мониторинг* усложняющихся институциональных систем на предмет выявления прежде всего их дегуманизирующего влияния на человека с целью нейтрализации или, по крайней мере, минимизации негативных последствий для человеческого капитала.

Ряд отложенных опасностей связан со скоростью изменений социума, с эффектом *временного дисхроноза*: в одном обществе сосуществуют люди, фактически живущие в разных *темпомирах* [Князева, 2002]. Под влиянием этих реалий возникли новые уязвимости для человеческого капитала, одна из которых следующая. С одной стороны, скорость преобразований, особенно скорость социальной мобильности, начинает играть роль нового социального капитала, который определяет не только более высокий социальный статус людей, иное качество человеческого капитала, но и выступает *индикатором модернизации, культурных и научных достижений*. Ныне число позиций, в которых скорость имеет смысл *инновационного фактора человеческого капитала*, многократно возросло, затрагивая повседневную жизнь людей. По мнению Дж. Урри, мобильность вещей, информации, идей и даже мобильность виртуальная являются решающим фактором для развития социальных потенциалов современного человека [Urqu 2008]. Однако, с другой стороны, следует иметь в виду, что эти тенденции, тем не менее, не универсальны, автоматически не влекут за собой увеличение *гуманистической функциональности* человеческого капитала. Если *определенная часть* общества не справляется с увеличивающейся скоростью перемен, не успевает рефлексировать относительно ненамеренных последствий изменений, то могут возникать принципиально новые социальные уязвимости для человеческого капитала, причина которых - *временной дисхроноз*. В связи с этим современной России важны не только нано-технологии, но технологии, ориентированные на *цели духовного и нравственного возрождения человеческих отношений*. Нужны, в частности, технологии, которые бы сделали российских инвалидов, *каждую* социальную группу, независимо от того, в каком темпомире они живут, полноправными членами общества, технологии, нацеленные на "очеловечивание" скорости изменений.

В контексте решения возникших проблем уязвимости следует иначе взглянуть на латентные составляющие человеческой рациональности и иррациональности. Одним из первых поставил под вопрос рационализм и сциентизм, отметив их ограниченные

возможности, Ф. Ницше. Ученый призывал видеть реальность человека такой, какая она есть, во всей ее полноте, включая иррациональность [Ницше 1990]. Его идеи были востребованы многими учеными. Суть социальных практик, основанных на культе рациональности, З. Бауман выразил посредством *"метафоры садовника"*: "Садовник лучше знает, какие сорта растений должны, а

какие растения не должны расти на участке, о котором он заботится". Соответственно, во имя рациональности и гармонии "сорняки" (социальные группы риска, маргиналы, меньшинства, оппоненты, конкуренты, инакомыслящие и т.д.) просто "пропалываются". При этом "садовник способствует выращиванию правильных типов растений (главным образом растений, которые он сам посадил)". Он является, таким образом, "экспертом" разумности и целесообразности [Bauman 2009: 99]. Однако в итоге стремление людей к постоянной рационализации и совершенству *в отсутствие гуманистической составляющей*, как правило, оборачивается дисфункциональностями в виде невосполнимых потерь "неправильного" человеческого капитала. Сказанное означает, что рациональность *амбивалентна* для человеческого капитала: без нее невозможно функционирование современного сложного социума, но она не панацея для функциональности человеческих отношений и в ряде случаев создает новые уязвимости. Из этого логично вытекает требование сохранения *иррациональной составляющей* в человеческом капитале.

Еще одной уязвимостью, характерной именно для сложного социума, является выход национального человеческого капитала за государственные границы. Вхождение социума в сетевое, нелинейно развивающееся общество повлекло за собой принципиальные изменения в его содержании. В сетевом обществе, писал И. Пригожий, "информационные технологии создают связи, порождающие многие нелинейности и вызывающие множество новых возможностей в форме бифуркаций" [Пригожий 2008: 25 - 26]. Очевидно, что факторы сетевого взаимодействия становятся более значимыми в формировании человеческого капитала в его современных интерпретациях.

В итоге мы приходим к выводу: современное содержание человеческого капитала все более и более обретает сетевой характер и в силу утверждающегося сетевого общества просто не может быть иным. Тому способствует увеличивающаяся открытость уже достаточно открытого социума. Открытое общество дает его членам новые, невиданные ранее преимущества для жизнедеятельности, формирования человеческого капитала [Поппер 1992]. Многие народы, включая россиян, стремятся жить в открытом обществе. Однако не все так просто. Наряду с очевидными благами это общество несет в себе имманентные опасности, явные и латентные, так или иначе затрагивающие количественные и качественные параметры человеческого капитала.

Под влиянием увеличивающейся открытости границы страны *перестают быть охранительными рубежами* в отношении *иных* культурных ценностей и *иных* образов жизни. Дело не только в простом увеличении культурных артефактов, приходящих в страну по каналам глобализации, и не в возникшем разнообразии конкурирующих идей. Важнейшей проблемой для формирования человеческого капитала становится *усложняющееся изменение само по себе*, в котором содержится значительный компонент *неупорядоченного хаоса*, что приводит к сокращению *долгоживущих* качеств социума, что относится и к параметрам человеческого капитала. Это не какое-то временное, отдельное изменение, но утверждение *рискогенного* образа жизни в условиях *всеобщих* перемен, когда *нормой* или, по крайней мере, *обыденностью* становится экспансия самых разных субкультур и контркультур. Открытость привела к резкому увеличению эмиграции и иммиграции, появлению реальных и отложенных опасностей новых форм девиантного и криминального поведения.

Общество, основанное на функционировании глобальных сетей, неизбежно соприкасается с "чужими" опасностями из других социумов, что также влияет на характер человеческого капитала. Глоболокальные войны, межэтнические конфликты, терроризм оборачиваются опасностями практически для каждого россиянина. Это и экологические опасности, которые из локальных легко трансформируются в глоболокальные [Яницкий 2008].

стр. 10

Вместе с тем, нельзя во имя сохранения нашего "лучшего" человеческого капитала открытое общество попытаться "закрыть", выйти из усложняющегося сетевого взаимодействия. Необходимо *научиться жить с новыми реалиями*, минимизируя уязвимости, обусловленные открытостью социума. Также важно признать, что последствия открытости и сетевых изменений в функциональном плане не являются однозначно добром или злом, "прогрессом" или "регрессом", они *амбивалентны* по характеру. Это *обнадеживает*, позволяет россиянам с *оптимизмом* смотреть в будущее, вычленять из новых общественных реалий нечто функциональное, цивилизованное, гуманистическое и на этой основе решать актуальные проблемы человеческого капитала. Вместе с тем, как никогда в прошлом, жизнедеятельность людей *неизбежно отягощается* постоянным производством разного рода дисфункциональностей в виде *качественно новых, зачастую, отложенных* опасностей. Соответственно, необходимо выявлять *причинную сложность* опасностей, учитывать как нынешнее их содержание, так и прогнозировать их *усложняющуюся динамику*, включая возможность бифуркаций и перехода в иное состояние.

Важно также иначе взглянуть на *образовательную составляющую* в человеческом капитале, отказавшись от устаревшей количественной догмы - чем больше/меньше образования, тем лучше. Думается, дело не в том, сколько лет учиться, какие конкретно этапы проходить, копируя чей-либо опыт, даже позитивный, но *иной* культуры. Главное - это *качество и эффективность* образования: для общества оно должно создавать интеллектуальные условия преодоления вызовов постоянно возникающих уязвимостей; для людей - делать их потенциально способными быть "виртуозами" открытости, сетевых взаимодействий, предрасположенными к инновациям *гуманистического* толка. Из этого следует, что образовательной составляющей человеческого капитала является прежде всего поиск и возвращение талантов буквально с первого класса школы, обеспечение на деле единства знания, его гуманизма, требований конкурентоспособности нашего общества в сетевом взаимодействии с другими странами и народами.

Наконец, многие нынешние уязвимости могли бы быть минимизированы, если на него посмотреть через призму движения к цели формирования *российского космополитического человеческого капитала*. На первый взгляд, данная цель парадоксальна - предполагает своего рода кентавриз национального и интернационального. Его практически невозможно представить себе в условиях относительно простого социума. Но в сложном социуме *глоболокальное* является *становящейся* реальностью, которая подтвердила на практике свою функциональность.

Человечество вступило в эру "*космополитических дуальностей*": глобальное - локальное, интернациональное - национальное, западное - незападное. Радикально изменилось пространство социума - его границы выходят за рамки нации-государства, что относится и к человеческому капиталу. В глобализирующемся мире многонациональные корпорации, негосударственные наднациональные социальные акторы играют доминирующую роль; утверждаются социальные сети - все это должно быть учтено в разработке нового *сетевого-гуманистического* подхода к развитию человеческого капитала.

Его главная идея в *легитимации* человеческого капитала независимо от социального локала и времени, в котором он функционирует. Этот подход позволяет *переоткрыть* значимость россиян, выехавших на постоянное или временное место жительства, учебу или работу за рубеж. Этих людей, их человеческий капитал необходимо включать в российский космополитический человеческий капитал, соответственно продолжая с ними социальные сетевые взаимодействия на благо нашей страны. В современном мире многообразных мобильностей высока вероятность их возвращения в Россию. Кроме того, данный подход предполагает возможность и необходимость задействования *всего* человеческого капитала, находящегося в конкретное время на территории страны. Ведь тенденция мобильности трудовых ресурсов из стран СНГ и

стр. 11

разных регионов мира в условиях сетевого взаимодействия народов и культур будет возрастать.

С учетом усложняющейся динамики социума мы считаем необходимым формирование *нелинейно-гуманистического мышления*, как *интеллектуальной основы* российского космополитического человеческого капитала. Это мышление исходит из ускорения и усложнения социокультурной динамики, взаимозависимой целостности человечества, а также принципиальной *неделимости человеческого капитала народов мира* по локальному принципу. Возрастающие требования к *качественным* характеристикам человеческого капитала побуждают к тому, чтобы при его формировании ставились и решались не только и не столько прагматические задачи (они, конечно, тоже необходимы), сколько цели наращивания *гуманистического потенциала*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бауман З. Текучая современность. М., СПб.: Питер, 2008.

Бурдые П. Политическое представление: Элементы теории политического поля // П. Бурдые.

Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. Горшков М. К. Российское общество как новая социальная реальность // Россия

реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 6. М.: Институт социологии РАН, 2007. Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? (1998 - 2004).

Аналитический доклад. М.: АИРО-XX, 2005. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. *Князева Е. Н.* Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры.

СПб.: Алетеия, 2002. *Моисеев Н. Н.* Быть или не быть... человечеству? М., 1999. *Моисеев Н. Н.* Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое // Соч. в 2-х томах. М., 1990. *Поннер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992.

Пригожий И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2001. *Пригожий И. Р.* Сетевое общество // Социол.исслед, 2008, N 1.

Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества. М.: Новый хронограф, 2012. *Степин В. С.* О философских основаниях синергетики. Синергетика: Будущее мира и России. М.:

Издательство ЛКИ, 2008. *Тихонов А. В.* Социология управления. М.: "Канон+" РООИ "Реабилитация", 2007. *Тощенко Ж. Т.* Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа. М.: Новый хронограф, 2011. *Тощенко Ж. Т.* Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. *Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека// Маркс К., Энгельс Ф.

Соч., 2 изд. Т. 20. *Яницкий О. Н.* Экологическое мышление эпохи "великого передела". М.: РОССПЭН, 2008. *Bauman Z.* Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age. Cambridge: Polity Press, 2011. *Bauman Z.* Culture in a Liquid Modern World. Cambridge: Polity Press, 2011. *Bauman Z.* Liquid Fear. Cambridge: Polity Press, 2006.

Bauman Z. Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds. Cambridge: Polity Press, 2003. *Bauman Z.* Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2009. *Beck U.* World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. *Becker G. S.* Human Capital. N.Y.: Columbia University Press, 1964. *Boudon R.* The Unanticipated Consequences of Social Action. London: Macmillan, 1982. *Merton R.* The Unanticipated Consequences of Purposive Action // American Sociological Review, 1936.

Vol.1. *Perrow Ch.* Normal Accidents: Living with High Risk Technologies. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1999. *Perrow Ch.* The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton University Press, 2011. *Prigogine I.* The End of Certainty. New York: Free Press, 1997.

Shultz T. Human Capital: in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968. Vol. 6. *Sztompka P.* Society in Action: A Theory of Social Becoming. Cambridge, 1991. *Urry J.* Climate Change & Society. Cambridge: Polity Press, 2012. *Urry J.* Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008.